

Я. Коласа і Я. Купалы; уклад., прадм., падрыхт. тэкстаў, пер. і кам. Г. Кісялёва]. – Мінск : Беларус. навука, 2010. – 471, [1] с.

3 Мальдзіс, А. В. Як жылі нашы продкі ў XVIII ст. : эсэ; Восень пасярод вясны : аповесць, сатканая з гістарычных матэрыялаў і мясцовых паданняў / Адам Мальдзіс. – Мінск : Маст. літ., 2009. – 479 с.

4 Дунін-Марцінкевіч, В. Збор твораў: у 2 т. / В. Дунін-Марцінкевіч; уклад. падрыхт., пер. Я. Янушкевіч. – Мінск : Маст. літ., 2008. – Т. 2: вершаваныя аповесці і апавяданні, вершы, публіцыстыка, лісты і пасланні, пераклады. – 598 с.

5 Первая российская энциклопедия «Энциклопедический лексикон». Санкт-Петербург 1836. Т. 7.

6 Дрозд, З. М. Таямніцы Дуніна-Марцінкевіча / Зміцер Дрозд. – Вільнюс : Беларускі дакументацыйны цэнтр, 2018. – 572 с. : каляровыя [8] і ч/б [24] іл.

7 Макарэвіч, В. С. Разбор шляхты ў беларускіх губернях расійскай імперыі (канец XVIII–XIX ст.) / В. С. Макарэвіч. – Мінск : БДУ, 2018. – 315 с.

8 Первая всеобщая перепись населения Российской Империи 1897г. Распределение населения по родному языку и уездам 50 губерний Европейской России [Электронны расурс] / Демоскоп Weekly – Рэжым доступу : http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_lan_97_uezd.php. – Дата доступу : 22.11.2021.

9 Амяльковіч, Д. Карта лёсу. Культура № 13 (1191) 2015 г. [Электронны расурс] / Культура – Рэжым доступу : <http://www.kimpress.by/index.phtml?page=2&id=11400>. Дата доступу : 22.11.2021.

10 Купала, Я. Поўны збор твораў: у 9 т. / Я. Купала. — Мінск : Маст. літ. – Т. 8. Артыкулы, нататкі, выступленні, калектыўныя творы. – 2002. – 462 с.; Т. 9. Кн. 1. Пераклады; Эпістальная спадчына; Дарчыя надпісы; «Расейска-беларускі слоўнік»; Калектыўнае; Службовыя і асабістыя дакументы; Дадатак – 2003. — С. 641. — 686 с. [4] л. іл.

УДК 811.16`42:808.1:003.071

М. С. ЗАХАРОВА

(г. Гомель, ГГУ імені Ф. Скарыны)

АВТОРСКИЕ ОСОБЕННОСТИ УПОТРЕБЛЕНИЯ ЭПИГРАФОВ

Настоящая статья посвящена вопросам изучения эпиграфа художественного текста, который рассматривается с точки зрения реализации присущего ему информационного потенциала как способности выступать носителем определенного рода информации (субъективной информации) об авторе произведения. В статье также предпринимается попытка изучения эпиграфа как индивидуальной характеристики стиля писателя и выявления авторских особенностей употребления эпиграфов на материале коротких рассказов белорусских писателей.

Традиционно эпиграф определяют как функционально значимый, но не обязательный (факультативный) компонент литературного произведения. Аналогичной факультативностью характеризуется присутствие эпиграфов в творчестве того или иного писателя.

Использование эпиграфа и активность обращения к нему зависят исключительно от специфики мышления и индивидуальных творческих предпочтений автора. Для одних писателей эпиграф остается не замеченным и не актуальным на протяжении всей творческой жизни, не появляясь совсем или фигурируя только в единичных произведениях. Для других – пробой пера, навеянной новомодными тенденциями литературной жизни. И только для ограниченного числа

писателей эпиграф становится излюбленным приемом, неотъемлемой и узнаваемой чертой индивидуального стиля писателя.

Распространено мнение о том, что любой эпиграф содержит и способен сообщить некоторую информацию об авторе или «творческом субъекте, который осуществляет его выбор из определенной текстовой и культурной парадигмы» [1, с. 148]. Подобного рода информация носит название субъектной и дает преимущественно представление об образовании, политических и религиозных взглядах, литературных предпочтениях автора. Полагают, например, что использование разноязычных эпиграфов (приведенных в произведении на языке, отличном от языка основного текста) может свидетельствовать о владении автором иностранным языком, а частое обращение к сакральным текстам в качестве текстов-источников – о религиозных взглядах, моральных принципах, ценностях и ориентирах автора.

Большее количество информации об авторе приносит изучение не единичных эпиграфов, а системы эпиграфов в творчестве того или иного писателя, что в результате приводит к выявлению индивидуальных для каждого автора особенностей употребления эпиграфов.

Среди белорусских писателей малой прозы (отобранной методом сплошной выборки объемом 70 коротких рассказов) изобилуют эпиграфами рассказы Л. Рублевской. Например, остроумный афоризм авторства французского писателя-моралиста Ф. Ларошфуко открывает рассказ Л. Рублевской “Дабрадзейныя”: *“Няма такой дабрадзейнай жанчыны, якой не абрыдла б яе дабрадзейнасць”* [2, с. 261].

“Страшный” рассказ “Жаніх панны Данусі” предваряют лирические стихотворные строки, маркированные как фрагмент баллады: *“За месяцам месяц мінае, / Вось вернік у шыбы грукне / Увосень парой начною: / “Ты помніш ці не, дарагая, / Як колісь мяне кахала? / Сядай на каня са мною!” – “Мой любы, заўжды з табою!”* – Старанямешкая балада” [3, с. 272].

Выделяется на фоне остальных рассказов Л. Рублевской тематический цикл романтично-мистических рассказов “Старасвецкія міфы горада Б*”, состоящий из 12 коротких рассказов, эпиграфы к которым представляют собой лаконичное авторское изложение античных мифов. Сами рассказы, повествующие о нешуточных страстях, разворачивающихся в неторопливой безмятежной жизни обычного провинциального городка, представляют собой тонкие авторские стилизации на темы и сюжеты античной мифологии.

Приведем в качестве примера эпиграф к рассказу “Скрыня Пандоры”: *“Каб нашкодзіць людзям, багі Алімпна стварылі прыгожую жанчыну Пандору і надзялілі яе нейтаймоўнай цікавасцю. У доме мужа Пандоры знаходзілася скрыня, якую нельга было адчыняць. Пандора з-за сваёй цікавасці адчыніла яе і выпусціла адтуль у свет людскія хваробы, сваркі і звады. – Старажытнагрэчаскі миф”* [2, с. 274].

Если рассмотреть источники происхождения эпиграфов к коротким рассказам Л. Рублевской, то возможно также заключить, что помимо частого использования эпиграфа в качестве текстов-источников для своих произведений, является характерной особенностью названного автора.

Подобный цикл из 12 коротких рассказов, объединенных общим названием “Як жыве прырода па часінах года”, присутствует в творчестве В. Стомы. Каждому рассказу, посвященному описанию перерождения природы в зависимости от месяца и поры года, предшествует поэтический эпиграф-цитата. Например, эпиграфом к рассказу “Студзень – году пачатак” выступают строки, принадлежащие перу классика белорусской литературы Я. Купалы: *“І лягла ж цішыня / У бары за гарой, – / Каб дравінка адна / Хоць кінула сабой. / Снег пушаны залёг / Па галінках сасон, / І чарнобель, і мох / Атуліў ён сабой”* [4, с. 313].

Рассказ “Фарбы кастрычніка” открывает четверостишие из литературного наследия П. Бровки: *“Зачаруе агнём / Маладзенькай рабіны, / На адлёце крылом / Памахае бусліным”* [4, с. 336].

Лирический эпиграф авторства П. Глебки предшествует рассказу “Чэрвень – пара, калі цалуюцца зоры”: *“Травы пахнуць кветкамі, / Кветкі пахнуць зорамі, / Зоры над палеткамі – / Лесам і азёрамі”* [4, с. 325].

Помимо тематической общности рассказов, не может остаться без внимания тот факт, что источниками заимствования поэтических эпиграфов, предваряющих каждый рассказ названного цикла, выступают произведения исключительно белорусских писателей. Среди других известных соотечественников, которых цитирует В. Стома, классик белорусской литературы Я. Колас (рассказ “Вясны красавіцкія крокі”), народные поэты П. Панченко (рассказ “Сакавік – час абуджэння прыроды”) и А. Кулешов (рассказ “Лістапад, лістапад...”), а также К. Буйло (рассказ “Пытае люты, як ты абуты”), А. Деружинский (рассказ “Майскія ночы”), А. Белевич (рассказ “Асенні шолах верасня”) и П. Трус (рассказ “Снежаньскія подыхі зімы”).

Строго выдержанное единство содержания и формы выражения выделяет данный цикл рассказов В. Стомы на фоне остальных, придавая им неповторимое своеобразие и подчеркивая индивидуальность стиля писателя.

Прибегает к использованию эпиграфов в своих произведениях М. Горецкий, среди которых привлекает внимание группа рассказов, характеризующаяся практически несвойственным для короткого рассказа делением на составные части и наличием эпиграфов перед каждой составной частью произведения.

Например, каждую из пяти глав рассказа М. Горецкого “Панская сучка” отсылающего ко временам крепостничества и повествующего о горькой участи крепостных крестьян, предваряет эпиграф следующего содержания: “– Ну хто заступіць ім Лэдзі? Ніхто!..” [5, с. 138]; “– Забіце, замучце – не панду я!..” [5, с. 141]; “– Закапаць іх разам з Лэдзі!” [5, с. 144]; “– Як накарміць чалавека, каб аж ніць напросіў?” [5, с. 147]; “– Вечны спакой!” [5, с. 149].

Подобными эпиграфами начинаются три главы в рассказе “Смачны заяц”: “Але колькі ўжо выпадкаў было ў гісторыі, што з самае вяршыні ічасця чалавек раптоўна звальваўся ў самае бяздонне плачу і адчаю” [5, с. 150]; “– Ой, сэрца, людцы! Ой, сэрца!..” [5, с. 153]; “Спацуюцё іччаслівага да няіччаснага сфальшывіла чыстую ў муках душу чалавека” [5, с. 156].

Субтекстовые эпиграфы предшествуют трем главам рассказа “Прысяга”: “Цесна жыць на свеце!..” [5, с. 103]; “Цяжка вырвацца з ланцудоў цямоты!” [5, с. 107]; “Лепей пакланіцца ды ўцячы...” [5, с. 110].

Характерная особенность употребления эпиграфов в названных рассказах М. Горецкого заключается в том, что во всех обозначенных произведениях автор обращается к использованию так называемых субтекстовых эпиграфов, имеющих отношение не ко всему произведению, а только к вводимой ими главе.

С одной стороны, исходя из классического понимания эпиграфа как заимствованной цитаты, отсылающей к тексту-источнику, субтекстовые эпиграфы М. Горецкого, обладают неполным набором присущих традиционному эпиграфу формальных признаков, в частности, характеризуются отсутствием отсылок к текстам-источникам.

С другой стороны, отсутствие отсылок к источникам заимствования указывает на более тесную смысловую связь субтекстовых эпиграфов с вводимой ими главой и определяет их основное назначение в произведении – отражать содержание данной главы. При этом, степень и точность компрессии субтекстовых эпиграфов М. Горецкого настолько велика, что в случае изложения краткого содержания рассказа, их можно было бы рассматривать в качестве основных пунктов плана пересказа.

Некоторыми особенностями употребления эпиграфов отличаются произведения Б. Петровича. В качестве примера рассмотрим рассказ “Піліпікі” со структурно сложным и развернутым эпиграфом: ““Піліпікі” – нізка аповедаў Б. Пятровіча. Назва яе паходзіць ад імя галоўнага героя Піліпа, якога аўтар прымушае рабіць і думаць тое, што звычайна ня рабіць і ня думае звычайны чалавек. Да першай публікацыі “П.” аўтар даў такі каментар: “П.” пісаліся ня жартам, не ўсур’ёз і ня дзеля выпендрону. Яны проста пісаліся. А таму не задавайце пытаньня: а навошта яны напісаныя? Ні мне, ні сабе. Бо ўсе, што ніжэй гэтых словаў, ня вартае нават гэтых словаў. – з невыдадзенага яшчэ энцыклапедычнага даведніка” [6, с. 552].

Исходя из содержания эпиграфа и информации, представленной в отсылке, становится очевидным, что данный эпиграф относится к разряду псевдоэпиграфов или “ложных эпиграфов”,

которые, как правило, создаются самим автором произведения и снабжаются отсылкой на несуществующий или выдуманный источник заимствования.

Наличием псевдоэпиграфов, исходя из имеющихся отсылок, отмечается рассказ “Мроі”, в котором эпиграфы вводят отдельные части произведения: “Ці варта жыць – / Бо варта жыць? – Сам прыдумаў” [7, с. 173]; “Нічога страшнага, калі цябе не зразумеюць тысячы тысячаў людзей, важна, каб цябе зразумеў хоць адзін чалавек. – Сам сабе, дзеля апраўданья і заспакаенья” [7, с. 214].

Несмотря на название, следует отметить, что “ложные” эпиграфы Б. Петровича в большинстве случаев являются функционально значимыми в произведении и реализуют свой функциональный потенциал в полном объеме. В первом примере они раскрывают малоинформативное название (“*Пілінкі*”) и отвечают на возможные вопросы относительно текста произведения, а во втором – формулируют основную идею произведения.

Б. Петрович является одним из немногих авторов, который прибегает к использованию в своих произведениях так называемых метонимических эпиграфов, полное раскрытие и понимание которых предполагает обязательное обращение к тексту-источнику.

Метонимический эпиграф, представляющий собой цитату из известного произведения итальянского писателя и мыслителя А. Данте «Божественная комедия», открывает рассказ Б. Петровича “Удол, альбо актава пазнання”: “*Я і душа пад ношаю цяжкою / Ступалі побач, як валы ў ярме...* – Дантэ «Боская комедия» – «Чыснец»” [8, с. 482].

Подобный эпиграф, принадлежащий перу русского писателя И. Бунина и приведенный на языке оригинала, предваряет рассказ Б. Петровича “Іржавая шыбка ў вакне на гарышчы”: “*Беспощадаен хто-то к чалавеку*” [8, с. 355].

Ключевой вопрос относительно метонимического эпиграфа заключается в том, с какой целью и по какой причине автор выбирает и вводит в произведение эпиграф, который рискует остаться не раскрытым в случае неспособности читателя опознать текст-источник и/или выстроить цепочки ассоциаций и параллелей, необходимые для более глубокого понимания как самого эпиграфа, так и всего произведения в целом.

Наиболее распространенным ответом на поставленный вопрос является предположение, что подобный эпиграф в большинстве случаев следует трактовать как испытание для эрудиции читателя или как загадку, адресованную автором читателю, которую ему предстоит разгадать в процессе знакомства с произведением.

Неоднократное обращение Б. Петровича к псевдоэпиграфам и “эпиграфам-загадкам” в качестве эпиграфов к своим произведениям позволяет заключить, что в коротких рассказах писателя эпиграф выступает не только часто используемым литературным приемом, а становится элементом своеобразной игры, которая составляет часть выбранной автором стратегии по взаимодействию с читателем, требующей от читателя определенных знаний, активности, вовлеченности и превращающей знакомство с произведением в увлекательный и захватывающий процесс.

Таким образом, изучение эпиграфов в коротких рассказах белорусских писателей позволяет сделать вывод, что независимо от характера выявленных авторских особенностей (жанровая и тематическая общность текстов-источников эпиграфов Л. Рублевской и В. Стомы, субтекстовые эпиграфы М. Горецкого, псевдоэпиграфы и “эпиграфы-загадки” Б. Петровича), употребление эпиграфов в творчестве названных авторов носит не случайный характер, а является характерной чертой, которая выделяет их на фоне остальных и составляет основу неповторимого индивидуального стиля писателя.

Список литературы

1 Кузьмина, Н. А. Интертекст и его роль в процессах эволюции поэтического языка / Н. А. Кузьмина. – Изд. 2-е. – М. : УРСС, 2004. – 272 с.

2 Рублеўская, Л. Пярсценак апошняга імператара : раман, аповесць, апавяданні / Л. Рублеўская. – Мінск : Маст. літ., 2005. – 279 с.

3 Рублеўская, Л. Жаніх панны Данусі / Л. Рублеўская // Сэрца мармуровага анела : аповесці, апавяданні / Л. Рублеўская. – Мінск : Маст. літ., 2003. – С. 272–277.

4 Стома, В. Як жыве прырода па часінах года / В. Стома // У нерушы дзікай прыроды : аповесці, апавяданні, замалеўкі. – Мінск : Юнацтва, 2001. – 382 с.

5 Гарэцкі, М. І. Творы / М. І. Гарэцкі ; уклад. і камент. Т. С. Голуб ; навук. рэд. У. В. Гніламедаў. – Мінск : Маст. літ., 2016. – 932 с.

6 Пятровіч, Б. Піліпікі / Б. Пятровіч // Шчасыце быць... Трыпціх, аповесці, апавяданні, мроі. – Мінск : УП «Гэхнапрынт», 2004. – С. 552–573.

7 Пятровіч, Б. Мроі / Б. Пятровіч // Сон паміж пачвар : апавяданні / Прадм. У. Рубанавы. – Мінск : Маст. літ., 1994. – С. 160–221.

8 Пятровіч, Б. Удол, альбо актава пазнання / П. Пятровіч // Сучасная беларуская проза : Традыцыі і наватарства / Уклад. Ул. Сіўчыкава, М. Тычыны. Прадм. М. Тычыны. – Мінск : Сэр-Віт, 2003. – С. 482–503.

УДК 821.161.3'06-1-055.2

М. І. КІРУШКІНА

(г. Гомель, ГДУ імя Ф. Скарыны)

ФІЛАСОФСКІЯ І РЭЛІГІЙНЫЯ МАТЫВЫ Ў СУЧАСНАЙ БЕЛАРУСКАЙ ЖАНОЧАЙ ПАЗЭПІ

У артыкуле разглядаюцца філасофскія і рэлігійныя паняцці, якія выяўляюцца ў сучаснай жаночай паэзіі. У лірычных творах логіка разваг і жыццёвых перакананняў аўтарак рэалізуецца ў анталогічных катэгорыях быцця і жыцця. Маральна-этычны змест вершаў сучасных паэтак складаюць пытанні пошуку сябе праз зварот да Бога. Цыварджаецца, што ў цэнтры ўвагі жанчын-творцаў – сістэма духоўных уласцівасцей, якая інтэрпрэтуецца імі праз хрысціянскае веравызнанне.

Спецыфіка сучаснай жаночай паэзіі – гэта стварэнне паэткамі ўласнай гармоніі, дзе ілюструецца метафізічная прастора душы лірычных гераній, увасабляецца мікракосм і філасофскія арыенціры аўтара. Эсэнцыяльныя думкі паэтак увасабляюцца ў вершатворчасці праз мастацкае даследаванне анталогічных катэгорый быцця і жыцця. Сістэма пэўных вартасцей адзначаных катэгорый засяроджана на стварэнні мадэлі, у якой усе асноўныя кампаненты падпарадкаваны адной мэце – канкрэтызацыі інтымна-духоўных пачуццяў асобы. Асноўныя ўзроўні раскрыцця зместу філасофскіх паняццяў – субстанцыянальны і духоўны. Прадметам асэнсавання для жанчын-творцаў з’яўляецца спецыфіка ўвасаблення сутнасных рэчаў, адзінства чалавека і трансцэдэнтнай першаасновы ўсяго існага.

Шматмернасць філасофскай прасторы ў творчасці сучасных паэтак вызначаецца наступнымі прынцыпамі:

– *быццёвым*: суаднесенасць унутранага свету лірычнай гераніі з макракосмасам. Катэгорыя быцця выступае галоўным аб’ектам мастацка-філасофскага досведу паэтак;

– *рэлігійным*: філасофска-этычныя ідэі паэтак аб сэнсе жыцця звязаны з хрысціянскім веравызнаннем. Пытанні пра непаўнату існавання асобы звязаны з катэгорыяй адзіноты.

Значэнне жыцця як метафарычнага пераасэнсавання ўсіх канонаў і ідэалаў вызначаецца як спосаб быццёвай сутнасці, пасродкам якога можна спасцігнуць цэласнасць рэальнасці [1]. Мэтазгодна адзначыць, што ў сучаснай жаночай паэзіі дадзеная катэгорыя набывае і анталогічны змест, паколькі ўтрымлівае тэалагічныя пытанні, адрасаваныя да боскага абсалюта. Сучасныя паэткі ў вершатворчасці разглядаюць суб’ектыўны свет асобы, адметнасць якога – у традыцыйна